

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
М90

Rosaria Munda
FIREBORNE

Copyright © 2019 by Rosaria Munda

Мунда, Розария.

М90 Рожденный в огне / Розария Мунда ; [перевод с английского А. Прохоровой, Д. Зайцевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с. — (Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мира).

ISBN 978-5-04-112022-1

Энни и Ли были детьми, когда повстанцы свергли правящую династию драконорожденных. Ли потерял своего отца, Повелителя драконов, и оказался в приюте, где рос вместе с Энни. Теперь эти двое — всадники драконов, оба претендующие на звание Первого Наездника. Каждый хочет победить: Ли мечтает отомстить за жестокую расправу над родными и вернуть власть. Энни, чью семью убил дракон, борется за победу, которая покончит с предрассудками по поводу ее недостойного происхождения. Но все меняется, когда выжившие из Трех Семейств собираются вернуть себе город. На горизонте — война, и Ли должен принять самое страшное решение в жизни. А Энни стоит перед выбором: защищать ли любимого человека до конца или стать лидером, в чьей силе так нуждается ее город...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Зайцева Д., Прохорова А., перевод
на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
000 «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112022-1

ПРОЛОГ

Позже о нем будут говорить как о Первом Защитнике, при нем город полностью изменится. Крепостные обретут свободу, будут построены школы, а драконов впервые оседлают простые смертные.

Но прежде он стал зачинщиком самой кровавой революции в истории его народа.

Он никогда не сомневался в том, что сумеет построить город, в котором будет процветать справедливое общество. И был уверен, что представители старого режима заслуживают смерти. Но иногда он испытывал сожаление из-за того, как именно это случилось, когда Дворец наконец был захвачен.

Он хорошо помнил момент, когда обнаружил представителей правящей династии в руках мучителей. Повелителю драконов сохранили жизнь, чтобы он мог наблюдать за расправой. В живых оставили только его и его младшего сына. Это был мальчик семи-восьми лет с безучастным выражением на залитом кровью лице. Остальные члены семьи, бездыханные, лежали рядом.

— Немедленно прекратите, — воскликнул Первый Защитник, приблизившись вместе с солдатами.

Повстанцы отпустили мальчика, которого пытали, и попытались оправдаться:

— Неужели ты не знаешь, что этот Леон Грозовой Бич натво...? — И тут же умолкли, когда Повелитель драконов, стоящий на коленях на залитом кровью ковре, вдруг заговорил.

— Мой сын... — произнес он на языке, который понимал и Первый Защитник. — Атрей, прошу тебя...

Первый Защитник искоса взглянул на ребенка.

— О Лео позаботятся.

Он вполголоса отдал приказ одному из своих солдат. Тот вздрогнул, но, помедлив, взял на руки сына Повелителя драконов. Когда он унес из комнаты безмолвного, обмякшего мальчика, предводитель повстанцев склонился над Повелителем драконов.

— Эти... животные... — проскрежетал Повелитель драконов.

Первый Защитник не стал спорить. Вместо этого он коснулся рукояти кинжала за поясом. Он посмотрел в глаза Повелителю драконов, словно задавая тому безмолвный вопрос. Повелитель закрыл глаза и кивнул.

Но затем, к удивлению Первого Защитника, заговорил.

— Твои убеждения, — произнес он. — Неужели ты действительно считаешь, что они того стоят, Атрей?

Первый Защитник вытащил кинжал.

— Да, — коротко ответил он.

РОЖДЕННЫЙ В ОГНЕ

В последующие годы он часто размышлял над вопросом Повелителя драконов. И хотя многие детали Революции начинали постепенно стираться из памяти, он не забывал о Леоне Грозном Биче.

Однако сын Леона стал именно той деталью, о которой он забыл.

ПОСЛАНИЯ ИЗ МИНИСТЕРСТВА

Девять лет спустя

ЛИ

Утро — наше любимое время для полетов. И сегодня, несмотря на приближающийся турнир и пустую арену внизу — словно напоминание, что скоро за нами, впервые в жизни, станут наблюдать тысячи глаз, — я нахожу силы насладиться видом большого города, раскинувшегося под крыльями дракона. Плотнo прижавшись к спине существа на повороте, я заглядываю в черный бездонный глаз Пэллора. Нить эмоций и мыслей, обычно связывающая нас, когда я оказываюсь в седле, натягивается до предела. Да. Сегодня все произойдет. Мы возвысимся.

Но для того, чтобы это произошло, мне необходима полная ясность мыслей. Я осторожно освобождаюсь от влияния горячего нетерпения Пэллора и концентрирую внимание на арене. С нами летят еще два

наездника: каждый оседлал двух породистых особей. Крисса и ее дракон породы небесных рыб парят над нами, а Кор на своем драконе породы грозового бича скользит внизу, вздымая тучи пепла над трибунами. Сегодня наша последняя репетиция, на этот раз только с предводителями эскадрильи.

Я повысил голос, чтобы перекричать ветер:

— Ты летишь слишком низко, Кор.

Кор огорченно заворчал, заставив своего дракона подняться выше. Мы много раз репетировали воздушный танец, открывающий турнир, перед чиновниками из министерства, но вопрос о том, как достойно продемонстрировать мощь дракона породы грозового бича, оставался открытым. До Революции драконы из рода грозового бича — моей семьи — приобрели дурную славу, потому что терроризировали сельскую местность. Но даже в прежние времена они были для нашей страны самым надежным средством защиты от вторжения неприятеля с воздуха.

— Нам сказали выпускать огонь ниже, — сказал Кор.

— Но не настолько низко. Это опасно для зрителей.

Наши драконы еще совсем юные, не больше лошади, и пока не способны дышать огнем. Но дым, вырывающийся из их пасти, уже способен обжечь.

Крисса и ее небесная рыбка, длинная, изящная, с бледно-голубой кожей, сливающейся с утренним небом, кружились над нами.

— Твоя задача — произвести впечатление на людей, — крикнула она Кору. — А не поджарить их.

Кор лишь отмахнулся:

— Ладно, ладно...

Флотилия все еще тренировалась, драконы и наездники действовали сообща. Теперь их называли страж-

никами, эти наездники драконов нового режима набивались из простолюдинов и даже бывших рабов. Среди них больше не было отпрысков повелителей драконов.

За исключением меня, хотя я единственный, кто знал об этом.

Потому что после Революции все, в чьих жилах текла кровь повелителей драконов, были обречены на смерть. Я, урожденный Лео, сын Леона, Повелителя драконов из дома Грозового Бича и Дракара Дальних гор, но в приюте получил новое имя — Ли. И даже Первый Защитник, который спас мне жизнь и два года спустя включил в программу обучения стражников, не знал правды.

А правда заключалась в том, что принятие потомка Грозового Бича в меритократическую¹ программу по обучению наездников противостояло принципам борьбы самого Защитника и его сподвижников.

И хотя я понимал, что мне крупно повезло оказаться здесь, удалось остаться в живых и вырваться из приюта, воспоминания о прежней жизни не давали покоя, терзая душу. Особенно сегодня, когда мы с Пэллором кружили над дворцовой ареной, впервые открытой публике после Революции. При старом режиме здесь тоже проводились турниры. И я присутствовал на этих состязаниях, наблюдая за отцом и мечтая, что однажды тоже смогу принять в них участие.

Я наклонился вперед, положив руку в перчатке на покрытую серебристой чешуей шею Пэллора, и его

¹ Меритократическая программа — программа, построенная на принципах меритократии. В свою очередь, меритократия (с лат. «власть достойных») — это принцип управления, согласно которому руководящие посты занимают наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения и финансового достатка.

крылья, прозрачные в утреннем свете, напряглись, когда он начал снижаться. Пэллор — аврелианской породы, небольшой, осторожный и маневренный, но для участия такого дракона в сегодняшней церемонии мне необходим партнер. Я мог бы репетировать и один, но чтобы все вышло идеально, мне нужна...

Энни. А вот и она.

Самка аврелианского дракона, чешуя которой окрашена в янтарный цвет, появилась из разверстой пасти пещеры, открывавшейся у входа на арену. На ее спине сидела моя партнерша Энни. Мы долгое время тренировались с ней в программе подготовки стражников, но познакомились еще в приюте.

И это та часть нашей жизни, о которой нам совсем не хотелось вспоминать.

— Энни! — радостно поприветствовала ее Крисса, помахав рукой. — Наконец-то.

— Без тебя Ли носится здесь как последний идиот, — заметил Кор.

В ответ мы с Пэллором выдули вниз струю горячего дыма. Но Кор с хохотом увернулся.

Услышав замечание Кора, Энни скривила губы, но вместо ответа плавно скользнула вперед, заняв позицию напротив меня. Ее дракон, Аэла, повторял все движения Пэллора, словно в зеркале. Темно-рыжие косы Энни разметались по спине, веснушчатое лицо приняло сосредоточенное выражение. Я всегда считал Энни красивой, ослепительно красивой, однако никогда не говорил ей об этом.

— Начнем сначала? — предложил я.

Ответом были возгласы одобрения остальных.

Нам удалось исправить ошибки, лишь когда колокол пробил час. Арена внизу, Дворец с одной стороны

и карстовая колонна¹, подпирающая Крепость — с другой, зубчатые крыши, поля, сбегаящие к морю, — все это на мгновение заставило меня ощутить жажду власти, чувство сродни собственничеству, словно я владею этим городом и островом, раскинувшимся внизу. В моей голове эхом пронеслись клятвы, которые мы давали, вступая в ряды стражников: *«Я и все, чем обладаю, всецело принадлежит Каллиполису. Крыльями своего дракона я обязуюсь охранять его...»*

Сегодня восемь стражников будут бороться в решающем состязании турнира за звание Первого Наездника, командира воздушной флотилии. И я вхожу в число этих восьми вместе с Энни, Кором и Криссой. В течение нескольких недель между тридцатью двумя драконьими наездниками проходили отборочные туры.

Впервые после Революции Каллиполис должен был назвать имя Первого Наездника, и это было одно из немногих почетных званий, оставшихся нам в наследство от старого режима. Драконы революционного флота заматерели, а их наездники стали достаточно мастеровиты, чтобы побороться за место, пустовавшее после Революции. Для других стражников борьба за почетное звание Первого Наездника была возможностью проверить, чего они стоят, но для меня это было нечто большее.

Первый Наездник — то, о чем я мечтал еще до Революции. Это звание объединяло в себе признание, власть и уважение — то, что моя семья потеряла в один кровопролитный месяц, когда мне было всего восемь, и помогло бы вернуть их.

Первый Наездник.

¹ Карстовая колонна — колонна, образованная растворением горных пород под действием воды.

Внизу, в отдалении, послышался бой часов на дворцовой башне. Я встряхнулся.

— Нам надо идти на завтрак. Горан сказал, чтобы вся группа была готова к этому времени.

Мы опустились в Орлиное Гнездо — на выступающую каменную платформу, возвышающуюся в центре арены, и, спешившись, сняли с драконов седла и отпустили в гнезда, скрытые в недрах пещер внизу. Мы вернулись во Дворец. Остальные тридцать с лишним студентов из корпуса стражников неторопливо направлялись в трапезную Обители из общежития. В трапезной голые каменные стены и высокие узкие окна. На завтрак обычно подают слегка подгоревшую овсянку. И хотя мы формально считаемся жителями Дворца, живем в помещениях, которые до Революции были комнатами для прислуги.

— Что-то вы рано.

Да, младший брат Кора, подвинулся, освобождая место на скамье, где сидел с друзьями. И хотя у Дака с Кором одного оливкового оттенка кожа и вьющиеся волосы, они полные противоположности. Кор часто мрачен, в то время как на лице Дака сияет улыбка. Энни с удовольствием устроилась на скамье рядом с Даком. Им по шестнадцать, они на год моложе большинства. И хотя это было единственное, что объединяло их, они оставались друзьями, потому что, судя по всему, Дак обожал непростые задачи. Нелегко заставить Энни улыбнуться, но у Дака это отлично получалось.

Вытащив ложку из каши, Дак направил ее на Энни.

— Ну, ты готова к великому дню?

Энни презрительно фыркнула, но на ее щеках появился румянец — редкое проявление амбициозного настроения, который она обычно старается не показывать.

Она снова ссутулилась. Оказавшись на земле, Энни всегда ссутулится, словно старается казаться незаметной. И такое поведение ярко контрастирует с ее уверенностью в воздухе.

— У тебя сегодня тоже великий день, — обратилась к Даку Крисса уверенным голосом, которым она обычно подбадривала наездников своей эскадрильи.

Дак расправил плечи, его улыбка слегка померкла.

— Давай не будем опережать события.

Дак, как и мы, сумел выбиться в четвертьфинал. Обычно он показывает отличные результаты, но многое зависит от того, удастся ли ему справиться с волнением и кто его противник.

— Волнуешься, Дориан?

Кстати говоря. Пауэр, один из наиболее перспективных наездников драконов грозового бича, приблизился к нашему столу, вернувшись из буфета. Он положил руку Даку на плечо, словно подбадривая его, и быстро провел другой рукой по гладко выбритым черным волосам, бросив на меня пронизывающий взгляд. Мы с Пауэром примерно одного роста и телосложения, и мне всегда казалось, что мы оба оцениваем друг друга, каждый раз встречаясь взглядами.

Дак замер.

— А ну-ка, убери руки, — процедил он сквозь зубы.

Кор с громким стуком поставил стакан на деревянный стол. Я положил ложку в миску с кашей.

Но всех нас ждало разочарование, Пауэр убрал руку. В последние годы он стал осторожнее.

— Нервничаем, да?

Он неторопливо направился к свободному месту между Дарием и Алексой, которые встревоженно на-

блюдали за происходящим. Дак, облегченно расправив плечи, с отвращением рыгнул.

— Иногда, — задумчиво произнес Кор, — я скучаю по тем дням, когда сынкам патрициев вроде Пауэра все сходило с рук и только мы могли поставить их на место.

— А я — нет, — пробормотал Дак.

Во времена старого режима моя семья принадлежала к правящим кругам рожденных драконами, а семья патрициев, вроде семьи Пауэра, стояли гораздо ниже по положению. Они были богаты, но у них не было драконов. Пауэр же сохранил привычное для патрициев презрение к простолюдинам вроде Кора и Криссы и особенно к Энни, которая была не просто простолюдинкой, а принадлежала к числу бывших рабов.

— Уверена, что Горан тоже скучает по этим старым добрым временам, — пробормотала Крисса.

Она, прищурившись, уставилась на вход в трапезную, когда в дверях показался единственный взрослый мужчина. Горан — наш патрицианский боевой инструктор, краснолицый пожилой офицер в отставке. Он говорит с едва заметным акцентом, доставшимся в наследство от драконьего языка, который становится более отчетливым, когда он желает напугать наездников-простолюдинов. Этот человек всегда казался мне знакомым, и это слегка тревожило. Вероятно, наши пути пересекались в прошлом, но он не узнавал меня, и это меня вполне устраивало. И если преданность Горана Атрею была очевидна, то его верность идеалам Революции — едва ли. Прежде чем Атрей занял твердую позицию, Горан позволил Пауэру и другим патрицианским стражникам выйти сухими из воды.